

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

С 23 по 28 апреля 1969 г. в Пловдиве состоялся **Международный симпозиум по этногенезу балканских народов**, организованный лингвистической и археологической комиссиями Международной ассоциации по изучению Юго-Восточной Европы с помощью и при содействии Болгарской Академии наук. Задуманный и осуществленный как комплексное междисциплинарное научное мероприятие, симпозиум объединил усилия археологов, историков и лингвистов. Необходимость в обмене новой информацией, координации результатов и перспектив исследований по указанной проблематике особенно назрела в настоящее время, когда, с одной стороны, значительно увеличился фронт археологических раскопок в этом важнейшем для истории европейской цивилизации районе, с другой стороны, неизмеримо возросли и углубились наши знания реликтовых языков Балканского п-ва и сопредельных областей древней Анатолии.

В работе симпозиума приняли участие ученые из Болгарии, Югославии, Румынии, Венгрии, СССР, Англии, США и Турции. Было прослушано 22 доклада и множество выступлений. Почти все они концентрировались вокруг действительно фундаментальной проблемы: этногенез народов Балканского п-ва в свете археологии, истории и лингвистики.

Работа была организована не по секциям, а протекала в виде последовательных общих заседаний: из четырех дней, отведенных на слушание докладов и дискуссии, два были отданы археологам, один лингвистам и один историкам.

Среди вопросов, поднятых археологами, можно выделить три достаточно общих, имеющих самое непосредственное отношение к лингвистическому аспекту этнологии Балканского п-ва: 1) время появления индоевропейцев на Балканах; 2) соотношение автохтонных и привнесенных археологических культур или отдельных культурных элементов в центре и на востоке Балканского п-ва; 3) очаги распространения и пути проникновения (или взаимодействия) археологических культур и соответственно этносов в этом географическом районе.

Как и следовало ожидать, мнения археологов и лингвистов по первому вопросу существенно разошлись. Полярные точки зрения были выражены М. Га-

рашаниным (Югославия) в докладе «Автохтонное население и степные кочевники в эпоху перехода от неолита к веку металлов» и Вл. Георгиевым (София) в докладе «Этногенез Балканского п-ва по данным лингвистики». Первый предполагает, что в период перехода от неолита к бронзе, видимо, на рубеже III и II тысячелетий до н. э. на Балканы волнами проникали индоевропейцы — кочевники из восточных степей, которые постепенно индоевропеизировали автохтонное население Балканского п-ва. Георгиев, напротив, как и во многих предшествующих трудах, отстаивает мысль о заселенности Балканского п-ва индоевропейцами (протофракийцами, протофритгийцами, протогреками и др.) на протяжении всего неолита (Караново I—IV и т. д.), т. е. начиная с VI тысячелетия до н. э. Неиндоевропейского населения, согласно Георгиеву, в этом районе, как и в западной Анатолии, никогда не было; в палеолите этот район был просто необитаем. Думается, что оба мнения достаточно далеки от истины и за вероятную датировку появления индоевропейцев на Балканах следует принять по многим соображениям рубеж IV и III тысячелетия до н. э.¹

Вопрос о соотношении автохтонных и чужеродных элементов в центре и на востоке Балканского п-ва нашел более единодушное разрешение: балканские этнические группы, фиксированные сравнительно поздними письменными памятниками (фракийцы, дакийцы, иллирийцы и др.), возникли в период неолита и первых веков бронзы в результате взаимопроникновения и контаминации местных

¹ Тезис Вл. Георгиева вызвал столь сильный отпор со стороны многих участников симпозиума, особенно археологов, что пришлось вычеркнуть из проекта заключительного коммюнике вполне приемлемый, по нашему мнению, пункт: «индоевропейские племена населяли Балканский п-ов значительно ранее, чем признавали до сих пор». Утверждение о том, что на Балканах и в западной Малой Азии с самых древних времен не было никаких групп неиндоевропейского населения, вызвало возражения Ф. Барипча и И. Пудича (Югославия), В. Думитреску (Румыния), Л. А. Гиендина (СССР) и некоторых других.

и привнесенных культур; при этом роль локальных автохтонных элементов, хотя и определяемая всеми по-разному, была весьма значительна. В этом смысле высказались в своих докладах археологи: В. Думитреску «К вопросу о самой древней неолитической культуре Румынии», Г. И. Георгиев (Болгария) «Развитие древних доисторических культур на юге Болгарии», М. Гарашанин в упомянутом докладе, Драга Гарашанина (Югославия) «Проблема лингвистической принадлежности неолитических народов в центральном районе Балкан».

Последняя проблема вызвала наиболее живую дискуссию. Из трех точек зрения самой вероятной представляется та, в соответствии с которой в неолите и раннебронзовом веке признается существование тесных связей и в отдельные моменты взаимовлияний между западной Анатолией и восточными и центральными областями Балкан при доминирующем интрузионном фоне культур восточного Средиземноморья. Именно так трактовали в общих чертах эту проблему: Г. И. Георгиев, признающий вместе с тем и возможность параллельного развития балканских культур (например, Караново VII — Езеро); Дж. Мелларт (Англия) в докладе «Доистория Анатолии и ее связи с Болгарией», где он теперь допускает в период до великого переселения народов проникновение этнических групп только из Анатолии² (причем в кулуарах Дж. Мелларт уточнил, что анатолийские элементы по-прежнему следует связывать с хеттоязычными народами); В. Думитреску — для района к северу от Дуная в эппалеолите и раннем и среднем неолите. Этот тезис как будто находит подтверждение в топонимическом ландшафте обоих регионов, содержащих много тождественных лексем (или основ). На современном этапе наших знаний о древних языках Балкан и Анатолии, кажется, можно, кроме разграничения хронологических слоев, поставить задачу по выделению анатолизмов в балканской топонимии и балканизмов в анатолийской. В свете последних работ, инвентаризирующих фракийско-(дакийско)-балтийские ономастические изоглоссы, намечаются отдельные процедурные моменты для решения намеченной задачи в этимологическом аспекте. Ряд лингвистических фактов и некоторые предвари-

тельные соображения по данному вопросу были предложены нами в сообщении «Фрако-малоазиатские лексико-ономастические отношения», высказанном в дискуссии по докладу Дж. Мелларта³.

По сравнению с многими археологами лингвисты, за исключением Вл. Георгиева, коснулись, как нам кажется, более конкретных проблем, что вполне естественно для современного уровня развития балканского и анатолийского языкознания.

Открывший лингвистическую часть симпозиума доклад Вл. Георгиева «Этногенез Балканского п-ва в свете лингвистических данных» содержал характеристику всего лингво-этнического комплекса балканистических проблем. Почти не сообщая новых лингвистических фактов по сравнению с предшествующими работами (в чем, собственно говоря, и не было необходимости), Вл. Георгиев в своем докладе осуществил очень полезный для ученых различных специальностей синтез лингвистических и историко-филологических данных в применении к этнологии Балкан в догреческий и парегреческий период. Материал в нем скомпонован по основным географическим районам указанной области, включая о. Крит. Среди новых положений, имеющих значение для общей теории лингвистического субстрата на Балканском п-ве, в докладе можно выделить два момента. 1. Определенное признание гетерогенности догреческого субстрата хотя бы для Крита, что выразилось, по мысли докладчика, в появлении в начале минойской эпохи (с 2600 г.) в вост. и центр. Крите «эмигрантов» из зап. Малой Азии (гомер. этеокритян или термиллов): они составили наряду с более древними племнами, населявшими Крит с 6000 г., второй этнический догреческий

³ Рамки лингвистического журнала вынуждают нас ограничиться простым перечислением остальных докладов археологов, имевших по большей части специфический характер: В. Миков (Болгария) «Болгария в бронзовом веке»; Д. П. Димитров (Болгария) «Троя VII б2 и фракийские и мизийские племена на Балканах»; И. Чичикова (Болгария) «О хронологии начала железного века во Фракии»; М. Петреску-Димбовица (Румыния) «Некоторые соображения относительно конца бронзового века начала периода Халыштат в карпато-балканском пространстве»; Ида Богнар-Куцян (Венгрия) «Доисторические связи между Венгрией и Болгарией»; Х. З. Кошай (Турция) «Культура Арас-Караз в районе среднего Евфрата»; П. Детев (Болгария) «Археологические данные о непрерывности культуры телья Раскопаница около деревни Моноле в Пловдивском районе».

² Таким образом здесь Дж. Мелларт пересматривает свою теорию, согласно которой носители культуры Гумельнды — лувийцы двигались в III тыс. до н. э. из восточнобалканских районов в Анатолию; он отказывается в данном докладе также и от построений, основанных на аргументе так называемой «сероминийской» керамики.

слой. Из новых хетто-лувийских этимологий критских топонимов отличаются правдоподобием: *Kútaion*, можно возвести, вероятно, к хетт. *kutt(a)*-«стена»; *Múrtiv(v)a*, возможно, восходит к хетт. *mutin*-«виноград»⁴. 2. Допущение в качестве рабочей гипотезы мысли о том, что носители «пеласгского» языка пришли в центральную и южную Грецию из Фракии. Специально доказательству этого положения был посвящен и наш доклад «„Пеласгский“ и фракийский». В чисто лингвистическом и экстралингвистическом плане большой интерес представляет раздел доклада Вл. Георгиева «Значение ономастики», где подвергнуты этимологическому анализу названия больших рек Балканского п-ва, по 12 самых крупных в каждом из четырех районов (юг, восток, северо-восток, запад п-ва). Будучи индоевропейского происхождения, почти все они засвидетельствованы у Гомера (реже Гесиода). Сохранив в подавляющем числе свою фонетическую структуру в современных балканских языках, эти названия таким образом имеют возраст порядка 35 веков. Если учесть к тому же, что в центральных и восточных областях Балкан данный топонимический слой — самый древний из доступных исследования (например, топонимия древней Фракии), то практическая автохтонность в этих районах таких этнических групп, как фракийцы, дакийцы, фригийцы, мизийцы, становится очевидной, разумеется, с учетом некоторых иных моментов, в характеристику которых здесь нет возможности углубиться. Тем не менее, вряд ли данный тезис может быть доказан посредством методики, легкой в основу доклада А. В р а ч у (Румыния) «Об автохтонном характере древнего населения Дакии». Докладчик иллюстрирует или даже как будто доказывает исконность дакийцев тем, что несколько топонимов и ряд апеллятивов, квалифицируемых Г. Ивэнеску, Дж. Девото, В. Полаком в качестве доиндоевропейских рудиментов в румынском языке, оказываются, по мнению А. Врачу, индоевропейскими и происходящими в первую

очередь из языка дакийцев. Последнее вполне возможно, так как субстратом румынского языка, вероятно, послужил дакийский. Однако одного этого обстоятельства явно недостаточно, чтобы свидетельствовать в пользу первоначальности дакийского населения в этом ареале, поскольку дакийцы могли сами прийти сюда в тот или иной период истории и принести эти индоевропейские слова с собой. Более показателен, на наш взгляд, языковой материал, свидетельствующий о вероятных лингво-этнических контактах дакийцев и фракийцев с балтийцами на севере и северо-востоке и с арийцами на востоке.

Внимание участников симпозиума, прежде всего своей методикой, привлекло сообщение К. В л а х о в а (Болгария) «Ареальная и этногенетическая дистрибуция фракийских личных имен». Докладчик заметил и четко проследил, что отдельные антропонимические основы встречаются в группе надписей, обнаруженных в строго замкнутом ареале. Соответственно каждый такой ареал эвентуально отражает район расселения какого-то племени или группы племен. Так, основа *Auðov-* (с ней образовано более 130 имен) засвидетельствована главным образом в центральной области бассейна р. Марицы и на побережье Черного моря, где обитали племена *Vuðoi* и *Obuðoi*; *Zauk-*, *Σauk-* — в юго-восточной Фракии, несколько имен — в области дако-мизийцев; *Torx-* (*Torxos*, *Torxov*, *Torxov-παῖζης* и т. д., около 20 примеров) — на побережье Эгейского моря. Ареал основы *Torx-*, с нашей точки зрения, позволяет пойти, видимо, дальше и сопоставить ее с продуктивной анатолійской основой **Tarhu-*, позднеанат. *Tarx-*, *Troḫ-*, учитывая, что м.-аз. (анат.) *a* могло передаваться посредством *o* и *o*. Предложенная нами идентификация была поддержана Э. Х э м п о м.

Доклад И. П у д и ч а (Югославия) «Язык древних македонцев», выдвинувшего довольно шаткие основания (например, сомнительный тезис о наличии в македонском «передвижения согласных») для постулирования связи этого языка с так называемым северо-восточным фригийским Хааса и догреческим индоевропейским, содержит в приложении очень полезное собрание македонских глосс и имен собственных с указанием источников. Наиболее веские возражения этой гипотезе выдвинул Вл. Г е о р г и е в, настаивавший на ранее аргументированном и повторенном в его докладе положении о тесной близости (вплоть до общего праязыка в V—IV тысячелетии) македонского с фригийским и греческим⁵.

⁴ Вместе с тем необходимо отметить, что излишнее доверие к показаниям суффиксального анализа и недооценка более глубокой этимологической процедуры привела докладчика к включению в число пеласгских нескольких топонимов явно анатолійского происхождения, например, *Δαβρύθρος*, *Πέραιθρος*, *Τυλίσ(σ)ος*, *Πέραιον* и т. д. (относительно их генезиса см.: Л. А. Г и п д и н, Язык древнейшего населения юга Балканского п-ва, М., 1967). В этом кроется, нам кажется, также причина непризнания Вл. Георгиевым доиндоевропейского субстрата в Эгее и соответственно значительного превышения древности заселения пеласгами этого района.

⁵ Ср.: V. I. G e o r g i e v, La toponymie ancienne de la péninsule Balkanique et la thèse méditerranéenne, Sofia, 1961, стр. 28.

Важной проблеме современной индоевропеистики посвятил свой доклад «Положение фракийского в кругу индоевропейских языков» Р. А. Кросслэнд (Англия). В докладе излагались весьма интересные идеи (в рамках теории В. Порцига — А. Камменхубер) относительно протофрако-фригийской общности, ее вхождения в западную окраинную область центральных («остаточных») диалектов, совпадающую с сатемным изоглоссным ареалом, с одной стороны, и периферической позиции собственно фригийского в самом протофрако-фригийском ареале, в связи с ослаблением сатемных тенденций во фригийском, с другой. Наличие медиа-пассива на -*or* (характерная черта «периферических» диалектов) во фригийском объясняется контактами, возможно, не ранее второй половины III тыс., между протоанатолийским и протофрако-фригийским, принадлежащим к сатемной изоглоссной области. Далее, «передвижение согласных» фригийский и армянский приобрели в Анатолии под воздействием субстрата, как и в более раннее время хетты. Здесь сразу возникает два вопроса: 1) откуда передвижение согласных у балканских фракийцев и элементы передвижения у фригийцев до их переселения в Малую Азию, о чем достаточно убедительно свидетельствует топонимия? 2) в каком географическом районе могли происходить контакты между протоанатолийцами и протофрако-фригийцами, если эти контакты датируются Р. А. Кросслэндом второй половиной III тысячелетия? (Анатолия отпадает, так как племена фракийцев и фригийцев впервые появились там тысячелетием позже).

Для методологии выявления дакийского субстрата определенный интерес представляет сообщение Э. Хэмпа (Cilia) «Два фантома балканского этногенеза», где были подвергнуты критике как избыточные некоторые дакийские реконструкции Г. Райхенкрона румынских слов на -*z* (при обосновании этих реконструкций последний привлекал факты армянского языка). Докладчик, кроме того, вновь обратился к рум. *vatră*, алб. *vatër/vatrë* «очаг» и родственным им словам современных балканских языков, чтобы отвергнуть мысль Йокля о заимствовании предка данных слов из иранского и высказаться в духе Болгарского этимологического словаря⁶, возведя через албанские формы всю группу слов к и.-е. **aitrā*.

На заключительном заседании были прослушаны и обсуждены три историко-филологических доклада по существенным проблемам этнологии Балканского

п-ва и сев.-зап. Малой Азии: Э. Кондрак и (Румыния) «Этногенез балканских народов: письменные источники» (обзор этих источников с доисторических времен до периода римского владычества); Хр. М. Данаев (Болгария) «К этногенезу и передвижениям древнефракийских племен во II половине II тысячелетия и I половины I тысячелетия до н. эры» (поздательное переселение с Балкан в Малую Азию — с середины II тысячелетия основной массы мизийских племен, с 1200 г. по их следам фригийцев и на рубеже VIII—VII веков фракийцев, среди которых главную роль играли битинцы); В. Велков (Болгария) «Фракийцы и фригийцы по гомеровским поэмам» (относительно двух групп фракийских племен у Гомера и т. д.).

Симпозиум был организован четко и планомерно, ход его был рассчитан и осуществлен по минутам; во многом это заслуга акад. Вл. Георгиева.

В заключение хотелось бы отметить своевременность и эффективность симпозиума для специалистов доистории и ранней истории Балканского п-ва и сопредельных областей, где интересы лингвистов, археологов и историков всегда тесно смыкались. На будущей подобной конференции желательно шире осветить комплекс проблем, связанных с этническими группами иллирийцев и населением догреческой Эллады.

Л. А. Гундин (Москва)

*

С 20 по 23 октября в г. Ашхабаде состоялась научная конференция по двужычию и многоязычию, организованная Научным советом «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций», Институтом языкознания АН СССР, Институтом языка и литературы им. Махтумкули АН ТуркмССР и посвященная столетию со дня рождения В. И. Ленина.

В конференции приняли участие представители почти всех союзных республик, большинства автономных республик и областей нашей страны.

Открывая конференцию, президент АН ТССР акад. АН ТССР П. А. Азимов отметил, что она призвана обсудить важные вопросы языковой жизни народов СССР, имеющие как теоретическое, так и практическое значение. Сама проблематика конференции — современное развитие и взаимодействие национальных языков в республиках Советского Союза — как бы подводит итоги практической реализации заветов В. И. Ленина в области национальной политики и языкового строительства в нашей стране.

На конференции были прослушаны 41 доклад, 22 сообщения и свыше 20 вы-

⁶ См.: Вл. Георгиев, Ив. Гълъбов, Й. Займов, Ст. Илчев, Български этимологичен речник, София, 1963, стр. 123 и сл.

ступлений в прениях. Из них 12 докладов и 3 сообщения были сделаны на пленарных, остальные — на секционных заседаниях.

На пленарных заседаниях обсуждались доклады, в которых проблема двуязычия была охарактеризована с разных точек зрения, начиная с постановки самой проблемы как научной дисциплины. В частности, в докладе Ю. Д. Дешериева и И. Ф. Протченко (Москва) «Основные аспекты исследования двуязычия и многоязычия» в обобщенном виде изложены социологический, собственно лингвистический, психологический и педагогический аспекты проблемы (с соответствующей характеристикой каждого из них) и определен круг задач, охватываемых каждым аспектом.

Многоплановость изучения данной проблемы наглядно была продемонстрирована в других докладах, прослушанных на пленарных заседаниях; количественно преобладали доклады, в которых раскрывались разные стороны социологического и лингвистического аспектов изучения двуязычия и многоязычия.

В докладе «Современное общественное развитие и проблема двуязычия» Ф. П. Филин (Москва) указал на зависимость развития двуязычия от развития общества: на разных ступенях общественного развития двуязычие имело свои специфические особенности и отношение к нему общества было неодинаковым. Двуязычие является органической частью общественных функций языка, которые в свою очередь изменяются в соответствии с изменением структуры общества, поэтому история двуязычия тесно связана с историей развития общества.

Ф. П. Филин предложил периодизацию этапов в развитии двуязычия применительно к разным языкам: 1) первичное двуязычие первобытного общества; 2) двуязычие эпохи рабовладельческой формации; 3) двуязычие феодального периода; 4) двуязычие эпохи капитализма; 5) двуязычие социалистического общества.

Разные стороны социологического аспекта изучения двуязычия были представлены в докладах: П. А. Азимова (Ашхабад) «О туркменско-русском билингвизме», где туркменско-русское двуязычие рассматривалось как основной тип двуязычия на территории многонациональной Туркмении; О. С. Ахманов (Москва) «Дихотомия „язык — диалект“ в свете проблем современного билингвизма», где исследовалось противопоставление двуязычия как одинаково совершенного владения двумя языками и двуязычие как диглоссия (неодинаковое владение двумя языками); Н. Х. Ханазарова (Ташкент) «О причинах и критериях двуязычия», где эволюция двуязычия изучалась в связи с закономерностями развития производительных сил

и культуры человечества; А. Т. Борща (Кишинев) «Изучение русского языка за рубежом и его роль в международной жизни».

На конференции освещался широкий круг вопросов лингвистического аспекта изучения двуязычия. Н. А. Баскаков (Москва) в докладе «Двуязычие и проблема взаимопроникновения различных уровней при взаимодействии языков» обобщил изменения на всех уровнях тюркских языков, совершившиеся в результате национально-русского двуязычия. Проницаемыми оказались все уровни языка, но в разной степени. Даже самый подвижный раздел языка — лексика — имеет непроницаемые группы слов (термины родства, названия частей тела, явления природы и т. д.). Наиболее проницаемую часть представляет терминологическая лексика социально-идеологического характера. В таком же плане охарактеризованы остальные уровни языка.

Л. И. Баранникова (Саратов) в докладе «О сущности интерференции и специфике ее проявления» четко изложила свое понимание интерференции: имеется в виду изменение в структуре (или отдельных ее частях) одного языка под влиянием другого.

Интерференция не тождественна взаимодействию, ибо последнее представляется как процесс, а интерференция — результат этого процесса. Докладчик также разграничивает интерференцию от заимствований. При заимствовании элементы одной системы, проникая в другую, изменяются в соответствии с нормой заимствующего языка. При интерференции изменяется сама заимствующая система, в ней появляются новые единицы, развиваются новые типы отношений между ее элементами.

В докладе В. Н. Ярцевой (Москва) «Структурно-семантические кальки в условиях двуязычия» охарактеризованы различные типы калькирования (синтаксические, лексико-синтаксические) на материале германских языков. Разные типы калькирования являются следствием различных форм функционального взаимодействия контактирующих языков. В частности, в условиях маргинального соприкосновения функциональных сфер двух языков обычны кальки на уровне либо лексики, либо изолированных синтаксических моделей из языка-суперстрата или из языка, обладающего большим социальным престижем, и т. д.

Т. П. Ломтев (Москва) в докладе «Тождество семантики и различия в выражении как основание интерференции в одном языке в двуязычной среде» остановился на интерференции в области семантики глаголов. У билингва при построении предложения на неродном языке выбор глаголов не совпадает с выбором глаголов на родном языке. Поэтому воз

никают неточности в употреблении глаголов при синтезировании предложений. Эти неточности можно устранить, пользуясь составленными докладчиком таблицами соотношений в употреблении глаголов на разных языках.

Доклад В. А. Аврорина (Ленинград) «Двуязычие и школа» посвящен языку школьного обучения в условиях двуязычия у малых народов Сибири. Отмечая имеющиеся недостатки в выборе языка обучения в начальных классах, В. А. Аврорин рекомендует обучать детей, особенно в сельских местностях (там, где национально-русское двуязычие не получило широкого распространения) на родном языке в течение первых двух, трех или четырех лет в зависимости от глубины знания детьми русского языка и уровня развития литературы на родном языке.

В докладе В. З. Панфилова (Москва) «Взаимодействие языков при двуязычии с точки зрения взаимоотношения языка и мышления» указывалось, что процесс взаимодействия языков при двуязычии приводит к сближению их структур («упрощение» их грамматических структур и лексических систем и т. д.), т. е. осуществляется тенденция к установлению взаимодозначного соответствия между взаимодействующими языками. Таким сближающим звеном в этом процессе служит мышление билингва. В. З. Панфилов рассмотрел психофизиологический механизм существования двуязычия в мозгу человека и психофизиологический механизм взаимодействия языков при двуязычии. В заключение он отметил, что в процессах интерференции языков проявляется тенденция к установлению большего соответствия между языковыми единицами и соответствующими единицами мышления, а также между синтаксическим и логико-грамматическим уровнями предложения.

На заключительном пленарном заседании с сообщением об отражении двуязычия в языке художественных произведений И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого и других отечественных писателей выступил акад. М. П. Алексеев (Ленинград). Н. Г. Корлякову (Киев) рассказал о развитии полисемантизма в условиях славяно-романского двуязычия. В сообщении В. А. Ицкова и Б. С. Шварцкопфа (Москва) проблема двуязычия рассмотрена в тесном переплетении с вопросами культуры родной речи; имеется в виду широко распространенное явление, когда билингв в процессе речи на родном языке активно (иногда — без прямой надобности) вводит слова и выражения второго языка в родную речь. В связи с этим признается необходимым дифференцированный отбор заимствований.

Остальные доклады и сообщения были прослушаны на заседаниях трех секций.

В первой секции были сконцентрированы доклады преимущественно социалистического содержания. Почти во всех докладах и сообщениях приводились данные, характеризующие языковую ситуацию и социальные причины развития национально-русского двуязычия на материале разных языков. В коллективном докладе В. С. Расторгуевой, Ч. Х. Бакаева, М. И. Исаева, А. А. Керимовой, Л. А. Пирейко (Москва) «О характере двуязычия у иранских народов СССР» двуязычие рассматривалось в противопоставлениях: частичное — массовое (в смысле распространения двуязычия среди населения) и полное — неполное (в смысле глубины владения вторым языком); приводились материалы, свидетельствующие о влиянии русского языка на родной язык в области лексики, морфологии, синтаксиса, фонетики. Б. Н. Ниязмухамедов (Душанбе) говорил об узбекско-таджикском двуязычии и о двуязычных поэтах и писателях разных времен, писавших на узбекском и таджикском языках. Двуязычие тюркских народов охарактеризовано в ряде докладов. М. Закриев и Р. Юсупов (Казань) рассказали о разных этапах развития татарско-русского двуязычия, начиная с IX в. до наших дней. Т. Тагмуратов и Б. Чарыров (Ашхабад) в докладе «Вопросы двуязычия и многоязычия в условиях Туркменской ССР» осветили вопросы соотношения общественных функций туркменского и русского языков и влияния русского на туркменский язык. А. Т. Кайдаров (Алма-Ата) привел материалы по уйгурско-казахско-русскому трехязычию. В. И. Рассадин (Улан-Удэ) рассказал о тофаларско-русском двуязычии. В докладе Е. Н. Ероповой (Ашхабад) рассматривались некоторые формы лингвистической интерференции и возможности их использования в методике преподавания языков.

Вопросам двуязычия у народов Прибалтики были посвящены два доклада. В докладе А. Видугириса и С. Каралюнас (Вильнюс) «О типах двуязычия в Литовской ССР» рассматривалось литовско-русское, литовско-латышское, литовско-польское, литовско-белорусское, литовско-немецкое, литовско-еврейское, литовско-караимское, литовско-украинское и др. двуязычие. Русско-литовское двуязычие слабо развито среди литовцев в сельской местности и больше распространено среди интеллигенции и городской части населения, причем обычно пассивное владение русским языком. В докладе Ю. С. Елисеева (Москва) «О двуязычии в Финляндии» охарактеризована языковая ситуация в Финляндии и функциональное соотношение финского и шведского языков в разные исторические эпохи.

Б. Д. Муниев и Д. А. Сусеева (Элиста) рассказали о калмычко-русском двуязычии и социальных условиях, способствовавших развитию двуязычия в Калмыкии.

О белорусско-русском двуязычии сообщил Н. В. Бирилло (Минск). А. И. Подторацкий (Москва) посвятил свое сообщение терминологическому двуязычию. В докладе А. К. Шагирова (Москва) «К проблеме своеобразия русской речи в условиях национально-русского двуязычия» показаны отклонения от синтаксических и стилистических норм русской литературной речи, связанные не только с влиянием родного языка, но и с трудностями усвоения второго языка вообще.

Конкретно-социологическое исследование двуязычия дано в докладах: А. И. Холмогорова (Рига) — на материале Латвийской ССР, В. Г. Говорущенко (Таллин) — на материале эстонско-русского двуязычия; М. Н. Губогло (Москва) — на материале молдавско-русского двуязычия в южной Молдавии; Ф. Д. Климчук (Минск) — на материале русско-белорусского, русско-польского, русско-украинского и др. типов двуязычия южных районов Брестской области. В докладе С. Н. Онеко (Новосибирск) «Характеристика двуязычия у нанайцев» приведены предварительные данные по социолингвистическому обследованию нанайско-русского двуязычия. Г. Е. Трапезников (Москва) охарактеризовал социологическое изучение вопросов интернационального воспитания молодежи республик Средней Азии.

Доклады, прочитанные на второй секции, были построены в основном на анализе конкретного языкового материала по двуязычию, с одной стороны, в пределах родственных и неродственных языков, с другой — в пределах диалектов. В ряде докладов и сообщений наряду с общей характеристикой языковой ситуации, в которой возникало двуязычие или многоязычие, содержался анализ фактов по всем уровням языка. В докладе И. Г. Абдуллаева (Баку) говорилось о формах проявления двуязычия и многоязычия в Азербайджане на материале взаимодействия азербайджанского языка с иранскими. В коллективном докладе Р. И. Могилевского, Л. Н. Ройзензона, А. А. Цой (Самарканд) освещены вопросы изучения билингвизма и полилингвизма в условиях Самарканда. Н. С. Ковалев (Воронеж) остановился на особенностях влияния русского литературного языка на систему украинского говора Воронежской области. В сообщении А. К. Калимова (Москва) охарактеризовано двуязычие и многоязычие у среднеазиатских дунган. А. Гукасян (Ереван) выступил с сообщением о трехязычии

удин и процессе грегоризации их. Н. Д. Джидалаев (Баку) рассказал о многоязычии народов Дагестана.

М. А. Кумахов (Москва) в докладе «К проблеме интерференции в условиях билингвизма» анализировал развитие и взаимопроникновение единиц различных уровней языковой структуры. Вместо традиционного членения языковых уровней на проницаемые и непроницаемые докладчик предложил разграничивать открытые и закрытые подсистемы в пределах каждой системы (фонологической, грамматической и т. д.); закрытые подсистемы характеризуются образованием бинарных и многочленных противостоятельств. М. М. Михайлов (Чебоксары) в докладе «Двуязычие и взаимовлияние языков» рассмотрел вопросы интерференции на уровне речи у билингов — носителей родственных и неродственных языков в национально-смешанных семьях. А. А. Дарбеева (Москва) остановилась на особенностях развития двуязычия в изолированных монгольских языках и диалектах; при этом она отметила большую подверженность изолированных языков влиянию второго языка на всех уровнях, что сопровождается более глубоким обособлением их от родственных языков.

Интересные материалы польско-белорусского двуязычия на уровне фонетики даны в докладе В. Л. Вережича (Минск). Фонетическим же материалом оперировал Л. П. Сергеев (Чебоксары) в докладе «Проявление интерференции при взаимодействии литературного языка и диалектов в условиях диалектной среды (на материале чувашского языка)». Анализ на уровне лексики был представлен в докладе Т. С. Коготковой (Москва) «О некоторых особенностях освоения литературной лексики в условиях диалектного двуязычия», на уровне морфологии — в докладе А. М. Асланова (Кировабад) «О морфологической интерференции диалектов и родственных языков» (на материале языков Азербайджана).

Оживленное обсуждение в прениях вызвал вопрос о критериях разграничения заимствований и более сложных явлений интерференции, а также о критериях определения заимствованных фонем и морфем. В результате острой дискуссии выступившие высказались за более внимательный подход к языку обучения в начальных классах — языком обучения должен быть тот, которым ребенок владеет хорошо.

На третьей секции доклады в основном были посвящены влиянию двуязычия на грамматическую структуру языка. К. М. Мусаев (Москва) в докладе «Общенародное двуязычие и синтаксис родного языка» раскрывает развитие синтаксиса караимского языка под влиянием общенародного караимско-славянского

двуязычия. М. Г. Булахов (Минск) охарактеризовал особенности проявления интерференции на уровне словообразования в белорусской и русской речи. В докладе А. Л. Пумпянского (Москва) изложено исследование порядка слов в языке научной и технической литературы с точки зрения двуязычия. А. А. Давитиани (Тбилиси) сообщил о синтаксической интерференции, вызванной различием конструкций грузинского и русского предложений. Исследованию лексики были посвящены сообщения: М. А. Косичану (Кишинеу) «Интерференция в антропонимии (на материале славяно-молдавского языков)»; Л. И. Ройзензон и П. И. Могилевского (Самарканд) «О некоторых частных вопросах двуязычия» (образование аббревиатур в лужицких языках под влиянием немецкого). Татарская антропонимия явилась объектом изучения Р. С. Субаевой (Казань), топонимия Туркмени — предметом обзора А. Боржкова (Ашхабад). З. У. Блягоз и Х. Д. Водждоков (Майкоп) выступили с сообщениями об адыгейско-русском двуязычии, А. Н. Сердобов (Кызыл) — о тувинско-русском двуязычии в социологическом аспекте.

В заключительном слове Ф. П. Филин отметил, что двуязычие в лингвистическом аспекте теснейшим образом связано с теоретическими проблемами языкознания. Развернувшиеся дискуссии по ряду теоретических вопросов способствовали успешному проведению конференции.

Участники конференции приняли рекомендации, в которых выдвигается ряд практических задач по изучению актуальных теоретических и практических проблем языкового развития. Признано чрезвычайно важным исследование процессов становления национально-русского двуязычия, повышения роли языка межнационального общения в развитии языков и культур наций и народностей Советского Союза.

А. А. Дарбеева (Москва)

★

С 29 августа по 2 сентября 1969 г. в Берлине (ГДР) проходило очередное заседание ПИАК (Permanent International Altaistic Conference). Если предыдущие заседания ПИАК характеризовались семинарской формой работы, то заседание 1969 г. вылилось в международную конференцию.

Впервые в истории ПИАК собрались почти все представители алтаистических центров мира, присутствовали многие ведущие алтаисты. Наиболее многочисленной была советская делегация, которая насчитывала 37 алтаистов Москвы,

Ленинграда, Алма-Аты, Ашхабада, Баку, Ташкента, Казани, Нукуса и др.

На открытии конференции с приветственной речью от Берлинской Академии наук выступил избранный II заседанием ПИАК (в Копенгагене) президент конференции Г. Хазай. Отмечая необычайно широкое представительство на нынешнем заседании алтаистов мира, генеральный секретарь ПИАК Д. Синор (США) подчеркнул одну из основных задач этой международной организации — научное контактирование, обмен мнениями, дискуссия и научная информация. От общества Türk Dil Kurumu конференцию приветствовал С. Булуц (Турция). На этом же пленарном заседании был заслушан доклад проф. Х. Ф. Юнкера (Берлин) «20 лет алтаистики в ГДР». Докладчик охарактеризовал научные центры алтаистики в ГДР, среди которых ведущее место занимает Институт ориенталистики при Берлинской Академии наук, где Г. Хазай возглавляет важнейшую работу по изучению и расшифровке уйгурских турфанских текстов, ценное собрание которых находится в хранилищах Берлинской Академии наук. Х. Ф. Юнкер акцентировал внимание алтаистов на проблемах методов анализа материала алтайских языков, выявления тех исследовательских приемов, которые позволили бы объединять в единую типологическую и материальную общность сильно обособившиеся и различающиеся алтайские языки.

Доклад Д. Синора «Состояние и задачи международных алтаистических исследований» носил обзорный характер. Сравнительно-историческое изучение алтайских языков имеет довольно длительную историю, тем не менее, подчеркнул докладчик, до сих пор четко не определены критерии правомерности сведения алтайских языков в единую, генетически замкнутую семью, не разработана методика определения ареала этой языковой общности. Именно из этого исходит расширительное толкование семьи алтайских языков. Не установлены как генетические связи между конкретными языковыми подгруппами, — например, тюркской, монгольской, тунгусо-маньчжурской, корейской, — так и их хронологическая соотношенность. В то же время Д. Синор отметил большую исследовательскую работу, которая проведена в области тюркологии, монголистики, тунгусо-маньчжуроведения (работы В. Багра, Й. Бенцинга, Б. Я. Владимирцова, Н. А. Баскакова, А. фон Габен, А. Зайончковского, Л. Лигети, К. Менгеса, О. П. Сунника, Ф. Фукса, В. И. Цинцус и др.). Наряду со значительными достижениями по частным отраслям, алтайское языкознание пока не располагает полной сравнительной грамматикой алтайских языков, а также сравнительным словарем алтайских языков. (После работы Г. И. Рам-

стедта «Введение в алтайское языкознание» предпринимались лишь отдельные попытки создания общего курса алтайских языков — см. работы Н. Поппе, Дж. Клоусона.)

Специальное пленарное заседание было посвящено 100-летию со дня рождения В. Банга — одного из ведущих представителей урало-алтайской теории¹. Деятельность В. Банга, роль его наследия в сокровищнице алтаистической литературы, его вклад в изучение и расшифровку турфанских текстов были охарактеризованы в докладах чл.-корр. АН СССР А. Н. Кононова (Ленинград), А. фон Габен (ФРГ). Очередная медаль ПИАК была присуждена Дж. Клоусону.

На конференции работали четыре секции, на заседаниях которых было сделано более 70 докладов по исследованию языков, литературы, фольклора, истории, этнографии, искусства алтайских народов. Советская делегация представила на конференцию 31 доклад. Из них — 21 доклад по лингвистике, 4 доклада по литературоведению и фольклористике, 6 докладов по истории и этнографии.

В лингвистических докладах советской делегации нашли отражение вопросы сравнительного исследования алтайских языков, а также отдельных групп языков алтайской общности — тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских; общеалтайская тематика была в основном представлена в докладах советской делегации.

Теория генетического родства алтайских языков предлагалась в докладе Н. А. Баскакова (Москва); различные вопросы грамматики и лексики алтайских языков ставились в докладах ленинградских ученых О. П. Суника, И. В. Кормушина, С. Н. Муратова², В. И. Цинциус, В. Д. Колесниковой, О. А. Константиновой и др.

В докладе М. З. Закиева (Казань) «Доалтайские синтаксические модели» выдвигалась гипотеза об исторической идентичности синтаксических моделей алтайских и уральских языков. Выделяя два типа синтаксических моделей — предикативный и конкретизирующий (атрибутивный), докладчик полагает, что путь развития этих моделей в алтайских и уральских языках был одинаковым.

В плане сравнительно-исторического анализа материала алтайских языков был

построен доклад О. Рона-Таш (Венгрия) «Тохарские элементы в тюркских языках». В докладе сделана попытка установить хронологию тохарских элементов в их отношении к тюркской и монгольской общности, возводимых в свою очередь к генетически единой алтайской общности.

Определение сущности грамматического строя алтайских языков с позиций нового системного подхода к исследованию языка нашло отражение в докладе Г. П. Мельникова (Москва) «Строй алтайских языков как система».

Доклад Г. Д. Санжеева (Москва) «К вопросу о так называемых ротацизме и ламбдаизме в алтайских языках» содержал критику имеющихся исследований по соответствиям $a \sim r$ и $l \sim ш$ в алтайских языках. По мнению докладчика, монгольские слова, приводимые алтаистами как примеры этих соответствий, являются по происхождению большей частью тюркизмами и не могут быть использованы как веские доводы в пользу родства алтайских языков. Эта же тема, но с противоположных позиций трактовалась в докладе Т. Текина (США) «О соответствии $л \sim ш$ в тюркских и монгольских языках»: иллюстративный материал по соответствиям $л \sim ш$ и $л \sim с$ приводился для обоснования генетического родства тюркских и монгольских языков. Из других зарубежных исследователей к проблеме алтаистики обратились лишь П. Миятев (Болгария) в докладе «Современное состояние алтаистики в Болгарии» и Л. Базэн (Франция) в докладе «Роль запретных слов в развитии алтайских языков».

Два доклада советских лингвистов были посвящены вопросам тюрко-монгольских языковых отношений; это доклады С. К. Кенесбаева (Алма-Ата) «К вопросу о тюрко-монгольской языковой общности» и Б. О. Рузбаева (Фрунзе) «О киргизских и монгольских лексических параллелях в топонимии».

Представители советской тюркологии сделали целый ряд докладов по различным вопросам грамматики и лексики тюркских языков. А. Н. Кононов в докладе «Показатели собирательности-множественности в тюркских языках» этимологизировал эти тюркские показатели в сопоставлении с соответствующими формантами других алтайских языков, убедительно показав, что единственным продуктивным аффиксом мн. числа во всей доступной обозрению истории тюркских языков был и остается общетюркский аффикс *-lar/-ler* и чувашский аффикс *-sem* (и их фонетические варианты). Эти показатели образовались в результате фузионного сплавения общеалтайских показателей собирательности-коллективности-множественности: $-lar/-ler < *l + + -r$, $-sem < -sen < *s + -n$.

¹ См.: W. Bang, Uralaltaische Forschungen, Leipzig, 1890.

² См. об этом хронику алтаистической конференции в Ленинграде — ВЯ, 1969, 6; «Проблема общности алтайских языков. Тезисы докладов на I алтаистической конференции, организованной ЛО Института языкознания [АН СССР]», Л., 1969.

А. З. Абдуллаев (Баку) в докладе «Формы развития дательного падежа в тюркских языках» высказал гипотезу о том, что в современных тюркских языках показатели дательного падежа *-а, -га* — результат фонетической трансформации сложного образования *-гару*, возводимого докладчиком к самостоятельному слову со значением «рука» и дошедшего до наших дней в реликтовых образованиях.

В докладе «Категория модальности и ее отражение в тюркских языках» Ф. Р. Зейналов (Баку) предложил критерии, позволяющие выделить модальность в самостоятельную категорию.

В докладе Н. З. Гаджиевой (Москва) «Два источника формирования условного периода в тюркских языках» рассматривались две тенденции, сыгравшие определенную роль в развитии условного периода в тюркских языках: одна связана с желательным опативным *-са*, другая — с временным *-са* (развившимся на базе деепричастия). А. Г. Эйвазов (Баку) в докладе «История изучения имени прилагательного в тюркских языках» обосновал выделение прилагательного в тюркских языках как особой части речи. С. А. Атамирзаева (Ташкент) сделала доклад «К вопросу о происхождении умлаута в тюркских языках». Тема доклада Л. А. Покровской (Москва) «Об устойчивости семантической группы слов, обозначающих родственные отношения в тюркских языках» связана с методикой сравнительно-лексикологических исследований по алтайским языкам. Доклад К. М. Мусеева (Москва) «Некоторые наблюдения над историческим взаимодействием тюркских языков с нетюркскими» касался, главным образом, исследования терминов родства в западнокавказских языках (кумыкском, карачаево-балкарском, караймском и крымско-татарском).

Истории и современному состоянию узбекского языка были посвящены доклады Э. Фазыловой (Ташкент) «Староузбекский язык», И. Д. Циртута (США) «Сложные глаголы в узбекском языке» и Д. Шultz (ГДР) «О немецкой транслитерации узбекских собственных имен и фамилий».

Два доклада тюркологов из ГДР касались тюркских письменных памятников. В докладе Г. Хаая и «Об одном отрывке из рунического памятника в честь Тоньюкука» были предложены частные уточнения по чтению рунической надписи в честь Тоньюкука. О несторианско-тюркских текстах из Турфана доложил П. Циме (ГДР). А. С. Твиритинова (Москва) сделала доклад «Два списка Канун-наме султана Селима I из советских рукописных коллекций».

Вопросы взаимодействия тюркских языков с нетюркскими были освещены в докладах С. Какук (Венгрия) «Османско-турецкие лексические заимство-

вания в венгерском языке» и Х. Калеш (Югославия) «Влияние турецкого языка на словообразование в албанском языке». Многие доклады зарубежных лингвистов были посвящены турецкому языку и, в частности, его диалектологическому и историческому изучению: З. Коркмаз (Турция) «Вопрос о языковых особенностях анатолийских диалектов в связи с этнической структурой», С. Булч «О некоторых формах спряжения в анатолийских диалектах», И. Майер (ГДР) «Среднеанатолийский диалект Сиваса», И. Блашковица (Чехословакия) «Османско-турецкий язык XVII века в ареале Дуная» и др. С. Тежджан (ФРГ) прочел доклад «О состоянии исследования языка халадз»; носители этого языка, который, по мнению докладчика, является особым языком тюркской семьи, живут в Иране.

Целый ряд докладов был посвящен монголоведению: Н. П. Шастина (Москва) «Монголоведение в СССР», Н. Ц. Мункуев (Москва) «Монгольские документы из Кара-Кото», Б. Ринчин (Улан-Батор) «Понятие души в монгольском шаманизме».

На конференции были представлены и темы, связанные с развитием тюркских поэтических форм (И. В. Стеблева, Москва: «К вопросу о развитии тюркских поэтических форм в XI в.»), с фольклором тюркских народов (Н. С. Смирнов, Алма-Ата: «Алтайские и казахские версии эпоса „Козы-Корпеш“»; Н. Боратав, Франция: «О Ходже Насреддине и месте его рождения Сиврихисар»), литературой (доклады М. С. Сильченко, Алма-Ата; Р. Г. Фиша, Москва; И. Т. Татарлы, Болгария), искусством и историей тюркских народов (доклады А. Зайончковского, Польша; Е. Эсин, Франция; С. К. Камалова, Нукус; Ш. Ф. Мухамедьярова, Москва; Е. К. Саркисяна, Ереван и др.).

Таким образом, проблематика 12-й алтайской конференции была многообразна и охватывала как частные темы по отдельным алтайским языкам, литературе, искусству, истории, так и некоторые общелтайские проблемы. Последние, к сожалению, не заняли ведущего положения на конференции из-за значительной дробности тематики.

Следующая, 13-я конференция ПИАК соберется в 1970 г. в Страсбурге под председательством избранного 12-й конференцией президента И. Меликовой (Франция).

Дальнейшая разработка общих проблем алтаистики будет способствовать более углубленным сравнительным исследованиям отдельных подгрупп алтайских языков: тюркских, монгольских, тунгусо-маньчжурских.

Н. З. Гаджиева, Л. А. Покровская
(Москва)

*

Вопросам отраслевой лексики иберийско-кавказских языков была посвящена Третья региональная научная сессия по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков, проходившая с 8 по 10 сентября 1969 г. в городе Грозном. На пяти пленарных заседаниях было прослушано 40 докладов.

В работе сессии приняли участие лингвисты-кавказеды из различных научных центров Советского Союза: Москвы, Тбилиси, Чечено-Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Адыгеи, Карачаево-Черкесской АО, Северной Осетии, Дагестана, Абхазии, Азербайджана.

Открывая сессию, председатель Оргкомитета по созыву региональных научных сессий акад. АН Груз ССР А. С. Чикобава подчеркнул, что поскольку иберийско-кавказское языкознание — понятие историческое, историко-сравнительный подход является для него основным методом исследования.

Ленинской национальной политике и основным итогам изучения нахских языков в Чечено-Ингушской АССР за советский период был посвящен доклад А. А. Саламова (Грозный).

Цели и задачи изучения отраслевой лексики были определены в докладе А. С. Чикобава (Тбилиси) «Отраслевая лексика и научная актуальность ее изучения». Полный учет отраслевой лексики — особенно в бесписьменных языках и в их диалектах (вместе с контекстами, в которых отраслевые слова употребляются, и с должным учетом соответствующих реалий) представляется необходимым с точки зрения лингвистической и культурно-исторической.

Цикл докладов был посвящен абхазско-адыгским языкам.

В докладе К. В. Ломтатидзе (Тбилиси) «Названия месяцев в абхазском языке» была вскрыта сложная картина деэтимологизации соответствующих терминов, происходящей в языке. В диалектах абхазского языка фрагментарно сохранились как исконно абхазские, так и усвоенные из других языков названия месяцев, и восстановить древнюю абхазскую систему названий месяцев затруднительно, поскольку менялось количество месяцев, не все названия месяцев сохранились, перемешались названия разного происхождения, в результате чего несколько названий могут обозначать один и тот же месяц (и наоборот).

Доклад Г. В. Рогава (Тбилиси) был посвящен именам органической принадлежности («рука», «нога», «голова», «сердце», «лист», «корень» и т. д.) в абхазско-адыгских языках. Отметив, что дифференциация имен по органической при-

надлежности существует в адыгейском, где эти имена выделяются и морфологически, докладчик охарактеризовал это явление как инновацию (результат фонетических изменений).

Значение диалектной лексики для решения историко-генетических проблем раскрыла в своем докладе З. И. Керашева (Майкоп).

Отраслевая лексика с корнями *ты* «ячмень», *хы/фы* «просо» в адыгских языках была рассмотрена в докладе М. А. Кумахова (Москва), проанализировавшего строение производной лексики с данными корнями (по языковым данным ячмень и просо являются у адыгов наиболее древними из всех хлебных злаков).

Терминам животноводства (они были распределены по тематическим группам) в адыгских языках был посвящен ряд докладов: термины коневодства в адыгских языках были рассмотрены З. Ю. Кумаровой (Москва), в абхазско-абазинских диалектах — С. А. Амичба (Сухуми), термины животноводства в адыгейском языке — Х. Б. Дауровым (Майкоп), названия домашних и диких животных в адыгских языках — А. К. Шагировым (Москва).

Структурно-семантическая характеристика и классификация лексики адыгских народных игр была дана в докладе Б. М. Берсирова (Майкоп). Терминам родства и семейных отношений в абхазско-абазинских диалектах был посвящен доклад В. Х. Конджария (Сухуми).

В. Г. Шенгелиа (Тбилиси) рассмотрел названия деревьев в адыгейском языке: они образуются от названий соответствующих плодов посредством словообразовательного суффикса или при помощи слова «дерево», либо сочетанием обоих случаев.

Осетинские термины материальной культуры в топонимии Северной Осетии были рассмотрены в докладе А. Д. Цагаевой (Орджоникидзе).

Ряд докладов был посвящен отраслевой лексике нахских языков. Чеченская терминология транспорта в плане как синхронного структурного анализа, так и историко-этимологического толкования отдельных терминов была рассмотрена в докладе Ю. Д. Дешериева (Москва) и С. М. Мовтаева (Грозный).

Вайнахские названия одежды и ее частей явились предметом изучения И. А. Оздоева (Грозный). Названиям растений в вайнахских языках, относимых к наиболее древним слоям словарного фонда нахских языков, был посвящен доклад Ф. Г. Оздоевой (Грозный). Народные названия трав, цветов и грибов в нахских языках были рассмотрены Ю. И. Алироевым (Грозный), отметившим их связь с наименованиями животных, птиц, насекомых; отдельные

названия трав легли в основу названий племен. В докладе Т. И. Дешериевой (Москва) и Ю. Д. Дешериева проанализированы чеченские наименования кукурузы и процессов ее обработки.

О результатах изучения анатомических терминов в чеченском языке доложил А. Д. Тимаев (Грозный).

Строительной лексике в нахских языках были посвящены доклады К. З. Чокоева (Грозный) и Т. Б. Гониашивили (Тбилиси).

Названия птиц в ингушском и чеченском языках были рассмотрены в докладе Р. И. Ахриевой (Грозный).

Д. С. Иманашвили (Тбилиси) рассмотрел некоторые группы лексики животноводства в чеченском языке (с учетом диалектных вариантов) — как названия, выражающие общие понятия, так и конкретные названия, различающие животных по возрасту, полу, масти и другим признакам.

Грузинско-нахским схождениям в отраслевой лексике, свидетельствующим о древних грузинско-нахских языковых связях, были посвящены доклады А. Л. Чинчараули (Тбилиси) и О. И. Кахадзе (Тбилиси).

Отраслевая лексика дагестанских языков также рассматривалась в цикле докладов. Термины культурных растений вцесских (дидойских) языках были проанализированы Е. А. Бокаревым (Москва), термины животного мира в лезгинском языке — У. А. Мейлановой (Махачкала), которая усматривает в них два слоя — исконные названия, восходящие к пралезгинской или прадагестанской языковой общности, и заимствованные.

Системы обозначения возраста домашних животных в аварском языке коснулись в своем докладе З. Н. Джапаридзе (Тбилиси).

Терминология кубачинских златокупецов была рассмотрена А. А. Магометовым (Тбилиси), отметившим преобладание терминов отглагольного образования и композитов.

С. М. Хайдаков (Москва), проанализировавший термины гончарного производства в лакском языке, распределил их по тематическим группам.

Названия частей тела в крызском и лезгинском языках, где они различаются только фонетико-морфологическими особенностями, были рассмотрены в докладе Ш. М. Саадиева (Баку).

Термины гужевого транспорта в крымском языке, среди которых обнаруживается большое количество тюркских и персидских заимствований, осветил в своем докладе В. С. Хидиров (Баку).

Дахурским терминам овцеводства, по сравнению с другими отраслевыми терминами в этом языке, посвятил свой доклад А. М. Асланов (Кировабад).

Иноязычный (главным образом — тюрк-

ский) слой в сельскохозяйственной лексике лакского языка исследован в докладе Н. С. Джидаева (Баку).

Некоторые культовые термины — исконные (часто дохристианские) и заимствованные (индо-иранские, семитские и армянские) — в удинском языке были рассмотрены в докладе Г. В. Рошила (Баку).

Были прослушаны также доклады Р. Х. Темировой (Черкесск) «Названия растений у адыгов (черкесов) Карачаево-Черкесской автономной области» и А. О. Мальсагова (Грозный) «Небесные светила и связанные с ними имена мифологических божеств вайнахов».

Два доклада были посвящены вопросам терминологии. Чеченская и ингушская грамматическая терминология была рассмотрена М. Д. Чентиевой (Грозный), вопросы унификации номенклатуры иберийско-кавказских языков — Г. В. Топурия (Тбилиси).

Как показала работа этой сессии, посвященной столетию со дня рождения В. И. Ленина, достигнутые результаты по сбору и систематизации терминов отраслевой лексики уже положили начало широкому изучению отраслевой лексики иберийско-кавказских языков. Сессия отметила необходимость разработки программ по сбору отраслевой лексики, начав с лексики животноводства. В заключительном выступлении чл.-корр. АН СССР С. Г. Бархударов, подчеркнув научную актуальность разработки отраслевой лексики, отметил, что данная сессия окажет стимулирующее влияние на изучение лексики в Советском Союзе.

Сессия приняла решение создать очередную четвертую региональную научную сессию по историко-сравнительному изучению иберийско-кавказских языков, посвятив ее проблемам синтаксиса, в 1971 г. в г. Нальчике, и развернуть подготовку к пятой сессии (1973 г. в г. Орджоникидзе), посвятив ее проблемам языковых контактов на Кавказе.

А. А. Магометов (Тбилиси)

*

По инициативе Научного совета по комплексной проблеме «Закономерности развития национальных языков в связи с развитием социалистических наций» и Института языкознания АН СССР 25—27 ноября 1969 г. на филологическом факультете Белорусского государственного университета состоялся второй симпозиум «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках», на котором было

прослушано около 30 докладов и сообщений¹.

В коллективном программном докладе «Проблематика словарей тюркизмов восточно- и западославянских языков» Н. А. Баскакова, И. Г. Добродомова (Москва) и А. Е. Супруна (Минск) не только разрабатывалась лексикографическая сторона вопроса, но и делалась попытка теоретически обобщить формальные и семантические признаки тюркизмов, а также каналы проникновения последних в славянские языки. Доклад вызвал плодотворный обмен мнениями. Созвучный по тематике доклад А. И. Журавского (Минск) обогащал дискуссию конкретным материалом белорусского языка. В выступлении Р. З. Князбейли (Баку) речь шла о тюркизмах, зафиксированных в академическом семнадцатитомном словаре современного русского литературного языка. К. М. Гюльямянц (Минск) исследовала хронологическую и тематическую стратификацию турецких заимствований в словаре польского языка.

В докладе М. Г. Булахова (Минск) на обширном библиографическом фоне «тюркологических обследований» древнерусской письменности был предпринят лексикологический анализ Духовных грамот XIV—XVI вв. Тюркским элементам в лексике Духовной грамоты Ивана Калиты посвящен был доклад В. И. Филоненко (Пятигорск). В. Д. Аракин (Москва) подробно остановился на систематизации лексических тюркизмов в русских былинах. А. Н. Качалкин (Москва) рассмотрел тюркские заимствования в русских памятниках XVII в. А. К. Аптонович (Вильнюс) сосредоточил свое внимание на восточных словах (главным образом религиозных терминах) в текстах белорусских татар.

В докладе Н. А. Баскакова выяснялась роль тюркизмов в русской антропонимии; Н. В. Бирило (Минск) на многочисленных примерах показал, что около 3% современных белорусских фамилий имеют в своей основе тюркские лексемы.

В сообщении А. М. Булыки (Минск) анализировалась словообразовательная способность тюркизмов в старобелорусском языке, И. Т. Спирина (Уральск) говорила о фонетическом освоении тюркских заимствований в уральском говоре русского языка.

¹ См.: «Тюркские лексические элементы в восточных и западных славянских языках. Тезисы докладов второго симпозиума», Минск, 1969.

Г. Ф. Благова (Москва) проследила пути, по которым проходило освоение тюркизмов в русской этно-лингвистической терминологии, а Н. П. Бутенко (Львов) исследовала тюркскую географическую лексику в составе топонимов.

Ряд выступлений характеризовался этимологической направленностью. И. Г. Добродомов, привлекая материал чувашского языка, истолковал как булгаризмы восточнославянские лексемы *шапка* и *яндол*. Сообщение В. В. Мартынова (Минск), основанное на белорусск. диалектн. *капіца*, *капыл*, содержало некоторые предположения относительно этногенезиса антов; в сообщении М. Д. Феллера (Львов) о русск. *басма*, *басмить* косвенно подтверждалась гипотеза о распространении печатной книги по пути — «Татария — Московия — Скифия — Италия». А. Е. Супрун этимологизировал белорусск. *тулун* и *агач*. Г. И. Халимоненко (Москва) привел примеры тюркских заимствований в современном украинском языке. Сообщение Н. И. Зайцевой (Минск) было посвящено тюркизмам в чешской и словацкой мифологической лексике; Д. С. Сетаров (Карши) исследовал тюркизмы в русской орнитологической терминологии, а Г. В. Пальцев (Минск) этимологизировал белорусск. *бугай* «выпь». Живой интерес вызвал доклад Р. В. Кравчука (Минск) «Тюркологические мифы (мнимые тюркизмы в славянских языках)».

Несколько выступлений было посвящено путям и ареалам распространения тюркизмов в славянских языках: доклады И. С. Козырева (Орел) «Пути проникновения тюркизмов в русский и белорусский языки», Э. Н. Кушлиной (Душанбе) «Некоторые вопросы ареальности тюркизмов в русском языке», Л. А. Кубановой (Карачаевск) «Словарные тюркизмы и лингвистическая география», Б. Ю. Нормана (Минск) «Русский язык как передатчик тюркизмов».

В целом симпозиум с определенностью очертил область совместных интересов тюркологов и славистов. Обсуждались принципиальные вопросы методики составления словарей тюркизмов в славянских языках, уточнялся характер тюрко-славянских языковых контактов, было определено и систематизировано множество конкретных примеров таких контактов.

Б. Ю. Норман (Минск)